

1001 ночь.

Рассказ о Хасибе и царице змей

[Рассказ о Хасибе и царице змей, ночи 483-491](#)

[Рассказ о Хасибе и царице змей, ночи 492-500](#)

[Рассказ о Хасибе и царице змей, ночи 501-509](#)

[Рассказ о Хасибе и царице змей, ночи 510-518](#)

[Рассказ о Хасибе и царице змей, ночи 519-527](#)

[Рассказ о Хасибе и царице змей, ночи 528-536](#)

Пятьсот двадцать восьмая ночь

Когда же настала пятьсот двадцать восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что телохранители опустили в город царя Тайгамуса с Джаншахом и Ситт Шамсой. А царь Тайгамус убежал от врагов и спасся бегством в свой город.

Он подвергся жестокой осаде, и царь Кафид стеснил его, и царь Тайгамус просил пощады у царя Кафида, но тот не дал ему пощады. И когда царь Тайгамус понял, что не осталось для него хитрости, чтобы спастись от царя Кафида, он захотел удавиться, чтобы умереть и избавиться от этой заботы и печали. И он поднялся и простился с везириями и эмирами и вошел в свой дом, чтобы проститься с женщинами. И жители его царства стали плакать и рыдать и оплакивать его и кричать.

И когда происходило это дело, телохранители вдруг приблизились к дворцу, находившемуся внутри крепости, и Джаншах приказал им опустить ложе на середину приемного зала. И они сделали так, как приказал им Джаншах, и Ситт Шамса с Джаншахом, невольницами и мамлюками сошла с ложа, и они увидели, что все жители города находятся в осаде, стеснении и великой горести. "О, любимая моего сердца и прохлада моего глаза, – сказал Джаншах Ситт Шамсе, – взгляни на моего отца, – он в наисквернейшем положении!" И когда Ситт Шамса увидела его отца и жителей царства в таком состоянии, она приказала телохранителям поразить воинов, которые их осадили, сильным ударом и перебить их, и сказала телохранителям: "Не оставляйте живым никого из них". И Джаншах сделал знак одному из телохранителей, сильному в ярости, по имени Караташ, и приказал ему принести царя Кафида, закованного в цепи.

И телохранители отправились к царю Кафиду и взяли с собой то ложе. И они летели до тех пор, пока не поставили это ложе на землю, а палатку они поставили на ложе. И они подождали до полуночи и затем бросились на царя Кафида и его воинов и принялись их убивать. И один телохранитель брал десять или восемь воином, сидевших на спинах слонов, и взлетал с ними в воздух, а затем бросал их, и они разлетались на куски в воздухе.

А некоторые из телохранителей били солдат железными дубинами. А затем телохранитель, по имени Караташ, отправился в тот же час к палатке царя Кафида и бросился на него, когда он сидел на ложе, и взял его и взлетел с ним на воздух, и царь закричал от страха перед этим телохранителем, а тот летел с ним не переставая, пока не посадил его на ложе перед Джаншахом. И Джаншах велел четверем телохранителям подняться с ложем и поставить его на воздухе, и не успел царь Кафид очнуться, как увидел себя между небом и землей. И он стал бить себя по лицу и дивиться на это" и вот что было с царем Кафидом.

Что же касается царя Тайгамуса, то, увидев своего сына, он едва не умер от радости и, испутив великий крик, упал, покрытый беспомощностью. И ему побрызгали на лицо розовой водой, и когда он очнулся, они с сыном обнялись и заплакали сильным плачем (а царь Тайгамус не знал, что телохранители сражаются с царем Кафидом). И после этого Ситт Шамса поднялась и шла до тех пор, пока не дошла до царя Тайгамуса, отца Джаншаха, и она поцеловала ему руки и оказала: "О господин мой, поднимись на верхушку дворца и посмотри, как сражаются телохранители моего отца". И царь поднялся на верхушку дворца и сел вместе с Ситт Шамсой, и они стали смотреть на бой телохранителей, а те принялись избивать солдат вдоль и вширь. И один из них брал железную дубину и, ударив ею слона, разбивал его вдребезги вместе с тем, кто был на его спине, так что слонов нельзя было отличить от людей. А другие телохранителя пригоняли толпу людей, которые убегали, и кричали им в лицо, и они падали мертвые, а некоторые хватали около двадцати всадников и поднимались с ними на воздух и бросали их на землю, и воины разбивались на куски. И при всем этом Джаншах и его отец с Ситт Шамсой смотрели на них и глядели на сражение..."

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот двадцать девятая ночь

Когда же настала пятьсот двадцать девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Тайгасим сыном Джаншахом и жена его Ситт Шамса поднялись на верхушку дворца и стали смотреть на бой телохранителей с войсками царя Кафида. А царь Кафид смотрел на них, сидя на ложе, и плакал. И избивание его войск не прекращалось в течение двух дней, пока их всех не изрубили до последнего. А потом Джаншах велел телохранителям принести ложе и опустить его на землю посреди крепости царя Тайгамуса. И они принесли ложе и сделали так, как велел им их господин, царь Джаншах. А затем царь Тайгамус приказал одному из телохранителей, которого звали Шамваль, взять царя Кафида и надеть на него цепи и ошейник и запереть в черную башню, и Шамваль сделал так, как он приказал ему.

И царь Тайгамус велел бить в литавры и послал вестников к матери Джаншаха, и те пошли и известили ее о том, что ее сын прибыл и совершил все эти поступки. И она обрадовалась этому и села на коня и приехала, и, увидев ее, Джаншах прижал ее к груди, и она упала без чувств от сильной радости. И ей побрызгали на лицо розовой водой, и, очнувшись, она обняла своего сына и заплакала от чрезмерной радости. И когда Ситт Шамса узнала о ее прибытии, она поднялась и шла до тех пор, пока не пришла к ней, и тогда она приветствовала ее, и они держали друг друга в объятиях некоторое время, а затем стали разговаривать. А царь Тайгамус отпер ворота города и послал вестников во все стороны, и вести распространились по ним, и стали прибывать к цари подарки и великолепные редкости. И эмиры, воины и цари, которые правили в странах, приходили к царю, чтобы его приветствовать и поздравить его с такой победой и благополучием его сына.

И они пребывали в таком состоянии, и люди приносили им подарки и великолепные редкости в течение некоторого времени, а потом царь сделал великолепную свадьбу для Ситт Шамсы во второй раз и велел украшать город и показывать Джаншаху девушку в драгоценностях и роскошных одеждах. И Джаншах вошел к Ситт Шамсе и подарил ей сотню девушек из прекрасных наложниц, чтобы они ей прислуживали. А через несколько дней после этого Ситт Шамса отправилась к царю Тайгамусу и заступилась перед ним за царя Кафида и сказала: "Отпусти его, чтобы он вернулся в свою страну, а если случится из-за него зло, я прикажу одному из телохранителей похитить его и привести к тебе". И царь отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" – а затем он послал Шамвалю приказание доставить к нему царя Кафида, и тот правел его к нему в цепях и путах.

И когда царь Кафид пришел и поцеловал перед Тайгамусом землю, тот приказал освободить его из этих оков, и его освободили. А затем он посадил его на хромого коня и сказал: "Царица Шамса заступилась за тебя, уходи же в твою страну, и если ты вернешься к тому, что делал раньше, она пошлет за тобой телохранителя, и он приведет тебя". И царь Кафид отправился в свою страну, будучи в наихудшем положении..."

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Ночь, дополняющая до пятисот тридцати

Когда же настала ночь, дополняющая до пятисот тридцати, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Кафид отправился в свою страну, будучи в наихудшем положении, а Джаншах жил со своим отцом и Ситт Шамсой сладостнейшей и приятнейшей жизнью, в наилучшей и полнейшей радости.

И все это рассказывал Булукии юноша, сидевший между двумя могилами, а затем он сказал ему: "Вот я и есть Джаншах, который все это увидел, о брат мой, о Булукия". И Булукия удивился его рассказу. А затем Булукия, странствующий из-за любви к Мухаммеду (да благословит его Аллах и да приветствует!), оказал Джаншаху: "О брат мой, а в чем дело с этими двумя могилами? По какой причине ты сидишь между ними и почему ты плачешь?" И Джаншах ответил ему и сказал: "Знай, о Булукия, что мы пребывали в сладостнейшей и приятнейшей жизни и в наилучшей и полнейшей радости и проводили в наших странах год, и в Такни, крепости драгоценностей, – год. И мы передвигались не иначе, как сидя на ложе, и телохранители несли его и летели между небом и землей".

"О брат мой, о Джаншах, – опросил его Булукия, – а какой было длины расстояние между этой крепостью и вашей страной?" И Джаншах сказал ему в ответ: "Мы пересекали каждый день расстояние в тридцать месяцев пути и достигали крепости в десять дней. И мы провели в таком положении несколько лет, и случилось однажды, что мы отправились, как обычно, и достигли вот этого места. И мы опустились на ложе, чтобы поглядеть на этот остров, и сели на берегу реки и стали есть и пить, и Ситт Шамса сказала: "Я хочу помыться в этой реке!" И она сияла с себя одежду, и невольницы тоже сняли одежду и сошли в реку и стали плавать, а я принялся ходить по берегу репки и оставил невольниц играть там с Ситт Шамсой. И вдруг большая акула из морских зверей ударила ее по ноге, выбрав ее среди невольниц, и девушка закричала и упала мертвая в тот же час и минуту. И невольницы вышли из реки, убегая в палатку от этой акулы, а затем некоторые из них понесли Ситт Шамсу и принесли ее в палатку, и она была мертвая. И, увидев, что она мертвая, я упал без памяти, и мне обрызгали лицо водой, и я очнулся и стал плакать над девушкой.

И я велел телохранителям взять ложе и отправиться к ее родным и осведомить их о том, что с ней случилось, и они отправились к родным Ситт Шамсы и известили их о том, что с ней произошло. И родные ее были в отсутствии лишь недолго и прибыли в это место, и они омыли девушку и завернули ее в саван и похоронили ее тут же и стали ее оплакивать. Они пожелали взять меня с собой в свою страну, но я сказал отцу девушки: "Я хочу, чтобы ты вырыл для меня яму рядом с ее могилой, и я сделаю эту яму могилой для меня. Может быть, когда я умру, меня закопают в ней рядом с Шамсой". И царь Шахлан велел одному из телохранителей это сделать, и тот сделал то, что я хотел. А затем они улетели от меня и оставили меня плакать и рыдать над девушкой. Такова моя история, и вот почему я сижу между этими двумя могилами. – И он произнес такие два стиха:

Друзья, вы уехали, и дом – уж не дом мне,

О нет, и сосед благой – теперь не сосед мне!

И ныне мой прежний друг, которого знал я здесь,

Не друг мне, и кажутся цветы не цветами".

Услышав от Джаншаха такие слова, Булукия удивился..."

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятисот тридцать первая ночь

Когда же настала пятисот тридцать первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Булукия, услышав от Джаншаха эти слова, удивился и воскликнул: "Клянусь Аллахом, я думал, что я странствовал и кружил по земле, обходя ее, но, клянусь Аллахом, я забыл о том, что видел, услышав твою историю!

А затем сказал Джаншаху: – Я хочу от тебя милости – благодеяния, о брат мой: укажи безопасную дорогу".

И Джаншах указал ему дорогу, и Булукия простился с ним и пошел".

И все эти слова говорила царица змей Хасибу Каримад-дину. И сказал ей Хасиб Карим-ад-дин: "Как ты узнала все эти рассказы?" И она отвечала: "Знай, о Хасиб, что я послала в страны египетские большую змею двадцать пять лет тому назад и послала с ней письмо с приветствием Булукии, чтобы она доставила его ему. И эта змея отправлялась и доставила его Бянт-Шамух (а это была ее дочь в земле египетской). И она взяла письмо и шла, пока не достигла Каира, и тогда она стала спрашивать людей о Булукии, и ее привели к нему, и, прядя к нему и увидев его, она его приветствовала и дала ему это письмо. И Булукия прочитал письмо и понял его смысл, а затем он спросил змею: "Ты пришла от царицы змей?" – "Да", – отвечала она. И Булукия сказал: "Я хочу отправиться с тобой к царице змей, так как у мен л есть до нее дело". – "Слушаю и повинуюсь", – сказала змея.

И затем она пошла с ним к своей дочери и приветствовала ее, и после этого она простилась с ней и вышла от нее и сказала Булукии: "Зажмурь глаза!" И Будукия зажмурил глаза и открыл их и вдруг увидел, что он на той горе, где нахожусь я. И змея пошла с ним к той змее, которая дала ей письмо и приветствовала ее, а змея спросила: "Доставила ты Булукии письмо?" – "Да, – отвечала змея, – я доставила его ему, и он пришел со мной. Вот он". И Булукия подошел и приветствовал эту змею и спросил ее про царицу змей, и змея сказала ему: "Она отправилась на гору Каф со своими солдатами и воинами, а когда придет лето, она вернется в эту землю. И всякий раз как она отправляется на гору Каф, она назначает меня на свое место, пока не вернется. Если у тебя есть просьба, то я ее для тебя исполню". – "Я хочу от тебя, – сказал Булукия, – чтобы ты принесла мне такие растения, что всякий, кто истолчет их и выпьет их сок, но ослабнет, не поседеет и не умрет". – "Я не принесу их тебе, – отвечала змея, – пока ты мне не расскажешь, что с тобой случилось после того, как ты расстался с царицей змей и отправился с Аффаном к месту погребения господина нашего Сулеймана".

И Булукия рассказал ей свою историю от начала до конца и осведомил ее о том, что случилось с Джаншахом, и поведал ей его повесть, а потом он сказал: "Исполни мою просьбу, и я уйду в мои страны". – "Клянусь господином нашим Сулейманом, – оказала змея, – я не знаю дороги к этой траве!" И она приказала змее, которая привела Булукию, и оказала ей: "Доставь его в его страны!" И змея отвечала: "Слушаю и повинуюсь!" И затем она сказала Булукии: "Зажмурь глаза!" – и Булукия зажмурил глаза, и открыл их, и увидел себя на горе альМукаттам, и пошел, и пришел в свое жилище. А когда царица змей вернулась с горы Каф, то змея, которую она поставила на свое место, пришла к ней и приветствовала ее и оказала: "Булукия приветствует тебя!" – и рассказала ей все то, что передал ей Булукия о том, что он видел в своих странствиях и как он встретился с Джаншахом".

И царица змей сказала Хасибу Карим-ад-дину: "Вот что рассказали мне об этом деле, о Хасиб". И Хасиб воскликнул: "О царица змей, расскажи мне о том, что случилось с Булукией, когда он вернулся в Египет!" – "Знай, о Хасиб, – сказала ему царица змей, – что, расставшись с Джаншахом, Булукия шел ночи и дни и пришел к большому морю, и тогда он намазал ноли соком, который был у него, и пошел по поверхности воды и пришел к острову с деревьями, реками и плодами, который был подобен раю. И он стал ходить по этому острову и увидел большое дерево, листья которого были точно паруса на кораблях. И он подошел к этому дереву и увидел, что под ним разложена скатерть, и на ней всевозможные блюда из роскошных кушаний, и увидел он на этом дереве птицу из жемчуга и зеленого изумруда, ноги которой были серебряные, клюв из красного яхонта, а перья из дорогих металлов, и эта птица прославляла Аллаха великого и молилась о Мухаммеде (да благословит его Аллах и да приветствует!)..."

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятисот тридцать вторая ночь

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Когда же настала пятьсот тридцать вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Булукия вышел на остров и увидел, что этот остров подобен раю, он стал ходить по нему во все стороны и увидел бывшие там диковинки и, между прочим, птицу из жемчуга и зеленого изумруда, с перьями из дорогих металлов, такую, как описана, и птица прославляла Аллаха великого и молилась о Мухаммеде (да благословит его Аллах и да приветствует!).

"И, увидев эту огромную птицу, – рассказывала царица змей, – Булукия спросил ее: "Кто ты и каково твое дело?" И птица ответила: "Я из птиц райских. Знай, о брат мой, что Аллах великий вывел Адама из рая, и он вынес оттуда четыре листа, чтобы прикрыться ими. И упали они на землю, и один из них съели черви – и сделался из него шелк, а другой съели газели – и сделался из него мускус, а третий съели пчелы – и сделался из него мед, четвертый же упал в Индию и возникли из него пряности. Что же до меня, то я блуждала по всей земле, пока Аллах великий не послал мне этого места, и я осталась здесь. И каждую пятницу вечером и днем приходят сюда святые и кутбы, которые живут в этом мире, и они посещают это место и вкушают эту пищу (а она – угощение им от Аллаха великого, которое он им выставляет каждую пятницу вечером и днем, а затем этот стол возносится в рай, и он никогда не уменьшается и не изменяется)".

И Булукия стал есть, а окончив еду, он восхвалял Аллаха великого, и вдруг приблизился к нему аль-Хидр (мир с ним!). И Булукия поднялся к нему навстречу и приветствовал его и хотел уходить, но птица сказала ему: "О Булукия, сиди в присутствии аль-Хидра (мир с ним!)". И Булукия сел, а аль-Хидр сказал ему: "Расскажи мне о своем деле и поведай мне свою повесть".

И Булукия рассказал ему все, от начала до конца, до тех пор, шука он не пришел к нему и не достиг того места, в котором он сидит теперь перед аль-Хидром, и затем он спросил: "О господин, какова длина пути отсюда до Египта?" – "Расстояние в девяносто пять лет", – ответил аль-Хидр. И, услышав эти слова, Булукия заплакал, а потом он припал к рукам аль-Хидра и стал их целовать и воскликнул: "Спаси меня из этого изгнания, награда тебе у Аллаха! Я приблизился к гибели, и у меня не осталось никакой хитрости!" – "Помолись Аллаху великому, чтобы он разрешил мне доставить тебя в Египет, прежде чем ты погибнешь", – сказал аль-Хидр. И Булукия стал плакать и умолять Аллаха великого, и Аллах принял его молитву и внушил аль-Хидру (мир с ним!), чтобы он доставил Булукию к его родным.

И сказал тогда аль-Хидр (мир с ним!): "Подними голову, Аллах принял твою молитву и внушил мне, чтобы я доставил тебя в Египет. Уцепись за меня и схватись за меня руками и зажмурь глаза". И Булукия уцепился за аль-Хидра (мир с ним!) и схватился за него руками и зажмурил глаза, и аль-Хидр (мир с ним!) сделал один шаг и потом сказал Булукии: "Открой глаза!" И Булукия открыл глаза и увидел, что он стоит у ворот своего дома. И затем он обернулся, чтоб проститься с аль-Хидром (мир с ним!), но не нашел и следа его..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот тридцать третья ночь

Когда же настала пятьсот тридцать третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Булукия, когда аль-Хидр (мир с ним!) доставил его к воротам его дома, открыл глаза и хотел проститься с ним, но не нашел его. И он вошел в свой дом, и когда его мать увидела его, она испустила громкий крик и упала от радости, и ей брызгали на лицо воду, пока она не очнулась, а очнувшись, она обняла своего сына и заплакала сильным плачем, а Булукия то плакал, то смеялся. И к нему пришли его родные и домочадцы и все его товарищи и стали его поздравлять с благополучием. И разнеслась по стране весть об этом, и стали приходить к нему подарки со всех концов, и забили барабаны, и засвистели флейты, и все радовались великой радостью. А после этого Булукия рассказал родным свою историю и поведал им обо всем, что с ним случилось, и о том, как аль-Хидр привел его и доставил к воротам его дома, и все удивились этому и плакали до тех пор, пока им не надоело плакать".

И все это рассказала царица змей Хасибу Карим-аддину. И Хасиб Карим-аддин удивился этому и заплакал сильным плачем, а затем он сказал царице змей: "Я хочу отправиться в мою страну!" И царица змей ответила ему: "Я боюсь, о Хасиб, что, достигнув своей страны, ты нарушишь обет и не исполнишь клятву, которую ты мне дал, и пойдешь в баню". И Хасиб поклялся ей другими верными клятвами, что всю жизнь не будет ходить в баню, и тогда царица змей приказала одной змее и сказала ей: "Выведи Хасиба Карим-аддина на лицо земли!" И змея взяла Хасиба и переходила с ним с места на место, пока не вывела его на лицо земли из под крышки заброшенного колодца, а затем он пошел, и шел, пока не дошел до своего города.

И он отправился в свой дом (а было это в конце дня, когда пожелтело солнце) и постучал в ворота, и вышла его мать и открыла ворота и увидела своего сына, который стоял перед нею. И, увидев его, она вскрикнула от сильной радости и бросилась к нему и заплакала, и когда услышала ее плач жена Хасиба, она вошла к ней и увидела своего мужа и приветствовала его и поцеловала ему руки. И они сильно обрадовались друг другу и вошли в дом, и когда они уселись и Хасиб посидел среди своих родных, он спросил о дровосеках, которые рубили с ним дрова и ушли и оставили его в колодце, и мать сказала ему: "Они пришли ко мне и сказали: "Твоего сына съел волк в долине". Они сделались большими купцами и владеют именьями и лавками, мир стал для них просторен, и они каждый день приносят нам еду и питье, и таково их обыкновение до сего времени". – "Завтра пойдешь к ним, – сказал Хасиб, – и скажи им: "Хасиб Карим-аддин вернулся из путешествия; приходите его встречать и приветствовать его".

И когда наступило утро, его мать пошла по домам дровосеков и оказала им то, что поручил ей сказать ее сын.

И, услышав ее слова, дровосеки изменились в лице и сказали ей: "Слушаем и повинемся!" И каждый из них дал ей шелковую одежду, вышитую золотом, и они сказали ей: "Отдай их твоему сыну, пусть он их наденет, и скажи ему: "Они завтра к тебе придут". И мать Хасиба сказала им: "Слушаю и повинуюсь!" – и вернулась от них к сыну и осведомила его об этом и отдала ему то, что дали ей дровосеки.

Вот что было с Хасибом Карим-аддином и его матерью. Что же касается дровосеков, то они собрали множество купцов и осведомили их о том, что произошло изза них с Хасибом Карим-аддином, и спросили их: "Что нам теперь с ним делать?" И купцы ответили им: "Каждому из вас следует отдать ему половину своих денег и невольников", – и все согласились с этим мнением.

И каждый из них взял половину своих денег, и они все пошли к Хасибу и приветствовали его и поцеловали ему руки и отдали ему принесенное и сказали: "Это часть твоей милости, и мы стоим перед тобою!" И Хасиб принял от них деньги и оказал им: "То, что ушло, ушло! Это было суждено Аллахом, а то, что суждено, сильнее того, чего боишься!"

"Пойдем с нами, погуляем по городу и сходим в баню", – сказали ему купцы. И Хасиб ответил: "Я дал клятву, что не пойду в баню всю жизнь". "Пойдем с нами к нам домой, мы тебя угостим", – сказали купцы. И Хасиб ответил: "Слушаю и повинуюсь!" А затем он поднялся и пошел с ними к ним домой, и каждый из купцов угощал его один вечер, и они делали это в течение семи вечеров.

И стал Хасиб обладателем денег, имений и лавок, и вокруг него собирались купцы города, и он рассказывал им обо всем, что с ним случилось, и сделался он одним из знатных купцов. И он правел так некоторое время, и в один из дней случилось ему выйти, чтобы пройтись по городу. И вдруг один его товарищ (а он был банщик) увидел его, когда он проходил мимо ворот бани, и глаза встретились с глазами, и банщик приветствовал Хасиба и обнял его и воскликнул: "Сделай мне милость, войди в баню и разотрись, пока я приготовлю тебе угощение". – "Я дал клятву, что не буду ходить в баню всю жизнь", – ответил Хасиб. И банщик стал клясться и воскликнул: "Мои три жены разведены со мной трижды, если ты не войдешь со мной в баню и не помоешься там!"

И Хасиб Карим-аддин смутился душою и сказал банщику: "Разве ты хочешь, брат мой, сделать моих детей сиротами, разрушить мой дом и возложить грех на мою шею?" И тогда банщик бросился к ногам Хасиба Каримад-дина и стал их целовать и воскликнул: "Я прибегаю к твоему соседству! Войди ко мне в баню, и грех будет на моей шее". И рабочие в бане и все, кто был там, собрались вокруг Хасиба Карим-аддина и стали его упрашивать и сняли с него одежду и ввели его в баню.

И едва только он вошел туда и сел у стены и начал поливать себе голову водой, как пришли к нему двадцать человек и сказали: "Уходи от нас, о человек, ты ответчик перед султаном!" И они послали одного из них к везиру султана, и этот человек отправился к нему и осведомил

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

везирия, и везири сел на коня вместе с шестьюдесятью мамлюками, и они поехали и приехали в баню и встретились с Хасибом Карим-ад-дином. И везири приветствовал его и оказал: "Добро пожаловать!" – и дал банщику сто динаров и приказал подвести Хасибу коня, чтобы он на нем ехал. А затем везири сел на коня вместе с Хасибом, и люди везирия тоже сели, и они взяли Хасиба и ехали с ним, пока не приехали ко дворцу султана. И везири и его люди спешили, и Хасиб тоже сошел на землю, и он сел во дворе, и ему принесли трапезу, и все поели, выпили и вымыли руки. И везири наградил Хасиба двумя почетными одеждами, каждая из которых стоила пять тысяч динаров, и сказал ему: "Знай, что Аллах послал тебя к нам и проявил к нам милость твоим приходом: султан стал близок к смерти от проказы, которая постигла его, и наши книги указывают, что жизнь его в твоих руках".

И Хасиб удивился этому делу, и везири с Хасибом и вельможами царства прошел через семь дворцовых ворот, и они вошли к царю. А царя звали царь Караздан, царь персов, и он царил над семью климатами, и было у него в услужения сто султанов, которые сидели на престолах из червонного золота, и десять тысяч богатырей, каждому из которых подчинялось сто наместников и сто палачей, державших в руках мечи и топоры. И они нашли этого царя лежащим, и лицо его было закутано в платок, и он стонал от сильной болезни. И когда Хасиб увидел такой порядок, его ум был ошеломлен видом царя Караздана, и он поцеловал перед ним землю и пожелал ему счастья, а потом подошел к нему великий везири, которого звали везири Шамхур, и оказал ему: "Добро пожаловать!" – и посадил его на великолепный престол справа от царя Караздана..."

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот тридцать четвертая ночь

Когда же настала пятьсот тридцать четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везири Шамхур подошел к Хасибу и посадил его на престол справа от царя Караздана, и принесли трапезу, и все поели и попили и вымыли руки, а затем везири Шамхур поднялся, и поднялись из-за него все, кто был в зале, проявляя почтение к нему. И везири подошел к Хасибу Карим-ад-дину и сказал ему: "Мы будем тебе прислуживать, и все, что ты потребуешь, мы тебе дадим; даже если бы ты потребовал половину царства, мы бы ее тебе дали, так как исцеление царя в твоих руках". И он взял его за руку и пошел с ним к царю. И Хасиб открыл царю лицо и посмотрел на него и увидел, что царь в крайней болезни. И Хасиб удивился этому, а везири склонился над рукой Хасиба, поцеловал ее и оказал: "Мы хотим от тебя, чтобы ты вылечил этого царя, и все, что ты пожелаешь, мы тебе дадим. Это и есть то, что нам от тебя нужно". – "Хорошо, – сказал Хасиб. – Я сын Данияля, пророка Аллаха, но я не знаю никакой науки. Меня поместили учиться ремеслу врачевания на тридцать дней, но я ничего из этого ремесла не выучил. Я хотел бы знать что-нибудь из этой науки и вылечить этого царя". – "Не затягивай с нами разговора! – воскликнул везири. – Если бы мы собрали всех мудрецов востока и запада, никто бы не вылечил царя, кроме тебя!" – "Как же я его вылечу, когда я не знаю ни болезни сто, ни лекарства?" – опросил Хасиб. И везири сказал: "Лекарство для царя находится у тебя". – "Если бы я знал для него лекарство, – сказал Хасиб, – я бы, право, его вылечил". – "Ты знаешь его лекарство и знаешь отлично, – оказал везири. – Его лекарство – царица змей, и ты знаешь, где она, и видел ее и был у нее".

И, услышав это, Хасиб понял, что причина всего этого – посещение бани, и стал раскаиваться, когда раскаивание было бесполезно, и оказал: "Как царица змей? Я ее не знаю и никогда в жизни не слышал такого названия". – "Не отрицай, что ты ее знаешь, – оказал везири, – у меня есть указание, что ты знаешь ее и пробыл у нее два года". – "Я не знаю ее и ее не видел и не слышал об этом деле, раньше чем услышал о нем от вас сию минуту", – отвечал Хасиб.

И везири принес книгу и открыл ее и стал гадать, а затем он оказал: "Царица змей встретится с человеком, и он пробудет у нее два года и вернется от нее и поднимется на лицо земли, и когда он войдет в баню, у него почернеет живот. Посмотри себе на живот", – сказал он Хасибу. И тот взглянул себе на живот и увидел, что он черный. "У меня живот черный с тех пор, как меня родила моя мать", – сказал он везирию. И везири воскликнул: "Я поставил у каждой бани трех мамлюков, чтобы они наблюдали за всяким, кто войдет в баню, и смотрели ему на живот и осведомляли меня о нем. И когда ты вошел в баню, они посмотрели тебе на живот и увидели, что он черный. И они послали ко мне, извещая об этом, и вам не верилось, что мы с тобой сегодня встретимся. У нас нет другой нужды, кроме того, чтобы ты нам показал то место, из которого ты вышел, а потом ты уйдешь своей дорогой. Мы можем схватить царицу змей, и у нас есть кому ее принести". Услышав эти слова, Хасиб раскаялся, что входил в баню, великим раскаянием, когда раскаивание было ему бесполезно, и эмиры и везири умоляли его рассказать им, где царица змей, пока не ослабели, а Хасиб говорил: "Я не видел такого дела и не слышал о нем".

И тогда везири потребовал палача, и его привели, и везири велел ему снять с Хасиба одежду и побить его сильным боем. И палач делал это до тех пор, пока Хасиб не увидел воочию смерть из-за сильной пытки. А после этого везири оказал ему: "У нас есть указание, что ты знаешь, где место царицы змей, зачем же ты это отрицаешь? Покажи нам то место, откуда ты вышел, и удались от нас. У нас есть кому схватить царицу змей, и тебе не будет вреда". И затем он стал его упрашивать и поднял его на ноги и велел дать ему одежду, вышитую червонным золотом и дорогими металлами. И Хасиб послушался приказания везирия и сказал: "Я покажу вам то место, из которого я вышел". И, услышав его слова, везири обрадовался великой радостью. И он сел на коня со всеми эмирами, и Хасиб тоже сел на коня и поехал перед воинами, и они ехали до тех пор, пока не приехали к горе, а затем Хасиб вошел с ними в пещеру и стал плакать и горевать. И эмиры и везири сошли с коней и шли вслед за Хасибом, пока не пришли к колодезю, из которого Хасиб вышел.

И тогда везири выступил вперед и сел и зажег курения и стая произносить заклинания и клятвы и дуть и бормотать (это был злокозненный волшебник и кудесник, который знал науку о духах и другие науки). А окончив первое заклинание, он стал читать второе заклинание и третье заклинание, и всякий раз, когда курения кончались, он бросал на огонь другие. Потом он сказал: "Выходи, о царица змей!" И вдруг вода в колодезю ушла под землю, и открылась большая дверь, и раздался великий крик, подобный грому, так что подумали, что колодезю обвалился, и все присутствующие упали на землю без памяти, а некоторые из них умерли.

И вышла из этого колодезю огромная змея, точно слон, из глаз и изо рта которой летели искры, как угли, и на спине у нее было блюдо из червонного золота, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, а посреди этого блюда сидела змея, озарявшая все помещение, и лицо у нее было, как у человека, и говорила она самым ясным языком, и была это царица змей. И она стала оборачиваться направо и налево, и взор ее упал на Хасиба, и она опросила его: "Где же обет, который ты мне дал, и клятва, которою ты мне поклялся, говоря, что ты не пойдешь в баню? Но не поможет хитрость против того, что предопределено, и что написано на лбу, от того не убежишь. Аллах вложил окончание моей жизни в твои руки, и так судил Аллах, и хотел он, чтобы я была убита, а царь Караздан исцелился от болезни".

И затем царица змей заплакала сильным плачем, и Хасиб заплакал вместе с ней. И когда везири Шамхур проклятый увидел царицу змей, он протянул к ней руку, чтобы схватить ее, до она сказала: "Удержи свою руку, о проклятый, иначе я подую на тебя и превращу тебя в кучу черного пепла!" И она закричала Хасибу и сказала ему: "Подойди ко мне и возьми меня в руки и положи меня на это блюдо, которое с вами, и поставь его себе на голову. Умереть от твоей руки мне суждено от века, и нет у тебя хитрости, чтобы отразить мою смерть".

И Хасиб взял змею и понес ее на голове, и колодезю опять стал таким, как был. И все вышли, и Хасиб нес блюдо, в котором была змея, на голове. И когда они шли по дороге, царица змей оказала Хасибу потихоньку: "О Хасиб, послушай, какой я дам тебе добрый совет, хотя ты я нарушил обещание и не сдержал клятвы и совершил такие поступки, так как они были суждены от века" – "Слушаю и повинуюсь! – сказал Хасиб. – Что ты мне прикажешь, о царица змей?" – "Когда ты придешь в дом везирия, – сказала змея, – он окажет тебе: "Зарежь царицу змей и разруби ее на три куска!" – а ты откажись и не делай этого и скажи ему: "Я не знаю, как резать". Пусть он зарежет меня своей рукой и сделает со мной, что хочет. А когда он меня зарежет и разрубит на куски, к нему придет посланец от царя Караздана и потребует, чтобы он явился к нему. И тогда везири положит мое мясо в медный котелок и поставит котелок на жаровню и перед уходом к царю скажет тебе: "Зажги огонь под этим котелком, чтобы поднялась с мяса пена, и когда пена поднимется, возьми ее налево в бутылку и подожди, пока она остынет, и выпей ее. Когда ты ее выпьешь, не останется у тебя в теле никакой боли. А когда поднимется вторая пена, сохрани ее у себя в другой бутылке, и я приду от царя и выпью ее из-за болезни, которая у меня в хребте". И он даст тебе две бутылки и уйдет к царю, а когда он уйдет к нему, зажги огонь под котелком, чтобы поднялась первая пена, и возьми ее и налево в бутылку и спрячь ее у себя, но берегись ее выпить; если ты ее выпьешь, не будет для тебя блага. А когда поднимется вторая пена, налево ее в другую бутылку и подожди, пока она остынет, и сохрани ее у себя, чтобы ее выпить. А когда везири придет от царя и потребует от тебя вторую бутылку, дай ему первую и посмотри, что с ним произойдет..."

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот тридцать пятая ночь

Когда же настала пятьсот тридцать пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царица змей дала Хасибу наставление не пить первой пены и сохранить вторую пену, и сказала ему: "Когда вернется везирь от царя и потребует от тебя вторую бутылку, отдай ему первую и посмотри, что с ним произойдет. А потом выпей сам вторую пену, и когда ты ее выпьешь, станет твое сердце обителью мудрости. А после этого вынь мясо и положи его на медное блюдо и дай его царю, чтобы он его съел, а когда он съест мясо и оно утвердится у него в животе, закрой ему лицо платком и подожди до полудня, пока его живот не простынет, и потом напои его вином; он снова станет здоров, как был, и вылечится от своей болезни по могуществу Аллаха великого. Слушайся наставления, которое я тебе дала, и всячески его придерживайся".

И они шли до тех пор, пока не подошли к дому везирия, и везирь оказал Хасибу: "Войди со мной в дом!" И когда везирь с Хасибом вошли и воины разошлись и каждый из них ушел своей дорогой, Хасиб снял с головы блюдо, в котором была царица змей. И везирь сказал ему: "Зарежь царицу змей". "Я не знаю, как резать, – оказал Хасиб, – в жизни никого не резал. Если у тебя есть желание ее зарезать, зарежь ее сам своей рукой". И везирь Шамхур поднялся и взял царицу змей из блюда, в котором она лежала, и зарезал ее. И когда Хасиб увидел это, он заплакал горьким плачем, и Шамхур стал над ним смеяться и воскликнул: "О, лишившийся ума, как можешь ты плакать из-за того, что зарезана змея?"

А после того, как везирь ее зарезал, он разрубом ее на три куска и положил их в медный котелок, и вдруг пришел к нему от царя мамлюк и сказал: "Царь тебя требует сию же минуту!" – "Слушаю и повинуюсь!" – ответил везирь и после этого он поднялся и принес Хасибу две бутылки и сказал: "Зажги огонь под этим котелком, чтобы поднялась с мяса первая пена, а когда она поднимется, сними ее с мяса и налей в одну из этих бутылок. Подожди, пока она остынет, и выпей ее. Если ты ее выпьешь, твое тело станет здоровым, и не останется у тебя в теле боли или недуга. Когда же поднимется вторая пена, налей ее в другую бутылку и храни ее у себя, пока я не вернусь от царя, и тогда я ее выпью, потому что у меня в хребте боль, которая, может быть, пройдет, когда я выпью пену".

Затем он отправился к царю, подтвердив Хасибу это наставление. И Хасиб зажег огонь под котелком, и когда поднялась первая жена, он снял ее и налил в одну из двух бутылок, которую положил около себя. И он до тех пор разжигал огонь под котелком, пока не поднялась вторая жена, и тогда он снял ее и налил во вторую бутылку и спрятал ее у себя. А когда мясо поспело, он сиял котелок с огня и сел и стал ждать везирия, и везирь пришел от царя и спросил Хасиба: "Что ты сделал?" – "Работа кончена", – отвечал Хасиб. И везирь спросил его: "Что ты сделал с первой бутылкой?" "Я сейчас выпил то, что в ней было", – ответил Хасиб. И везирь сказал: "Я вижу, что на твоём теле ничего не изменилось". – "Я чувствую, что мое тело, от темени до ног, как будто загорелось огнем", – отвечал Хасиб. И коварный везирь Шамхур скрыл от него, в чем дело, чтобы обмануть его, и сказал: "Подай сюда оставшуюся бутылку: я выпью то, что в ней есть, и, может быть, я исцелюсь и вылечусь от болезни, которая у меня в хребте".

И затем везирь выпил то, что было в первой бутылке, думая, что это вторая, и не успел он ее выпить до конца, как бутылка выпала у него из рук, и он распух сию же минуту. И оправдались на нем слова сказавшего поговорку: "Кто вырыл колодец для своего брата, упадет в него".

И, увидев это дело, Хасиб удивился и побоялся выпить из второй бутылки, но затем он вспомнил наставление змеи и оказал про себя: "Если бы во второй бутылке было что-нибудь вредное, везирь не выбрал бы ее для себя. Полагаюсь на Аллаха!" – воскликнул он и выпил то, что было в бутылке. И когда он выпил ее, Аллах великий открыл у него в сердце источники мудрости и обнаружил перед ним сущность знания, и овладело им веселье и радость. И он взял мясо, которое было в котле, и положил его на медное блюдо и вышел из дома везирия.

И, подняв голову к небу, он увидел семь небес и все, что есть там, вплоть до логоса крайнего предела. И увидел он, как вращаются небосводы, и Аллах открыл ему все это. Он увидал звезды, движущиеся и неподвижные, и подал, как движутся созвездия, и уразумел, каков облик суши и моря, я вывел отсюда науку измерения, и науку чтения по звездам, и астрономию, и науку о небесных светилах, и исчисление, и все то, что с этим связано. Он узнал обо всем, что проистекает от затмения солнца и луны, и о прочем, а затем он посмотрел на землю и узнал, какие там есть металлы, растения и деревья, и узнал, какие у них всех особенности и полезные свойства, и вывел отсюда науку врачевания, белой магии и алхимии, и узнал, как делать золото и серебро.

И он шел с этим мясом, пока не дошел до царя Караздана, а войдя к нему, он поцеловал землю меж его рук и сказал ему: "Да будет цела твоя голова после твоего везирия Шамхура!" И царь разгневался великим гневом из-за смерти своего везирия и заплакал горьким плачем, а затем он ушел, чтобы привести мне мясо, если оно хорошо сварилось. Какова же причина его смерти в этот час и какая с ним случилась случайность?" И Хасиб рассказал царю обо всем, что случилось с везирем, когда он выпил содержимое бутылки и распух, и живот у него раздулся, и он умер. И царь опечалился великой печалью и спросил Хасиба: "Каково же будет мне после Шамхура?" – "Не обременяй себя заботой, о царь времени, – ответил царю Хасиб. – Я тебя вылечу в три дня и не оставлю у тебя в тебе никакой болезни". И грудь царя Караздана расправилась, и он оказал Хасибу: "Я хочу исцелиться от этой беды, хотя бы через несколько лет".

И Хасиб поднялся и, принеся котелок, поставил его перед царем и взял кусок мяса царицы змей и дал его съесть царю Караздану, а потом он покрыл его и расстелил у него на лице платок и, сев рядом с ним, велел ему заснуть. И царь проспал от полудня до заката солнца, пока кусок мяса не совершил труд у него в животе. А затем Хасиб разбудил царя и дал ему выпить немного вина и велел ему спать. И царь проспал всю ночь до утра, а когда поднялся день, Хасиб сделал с ним то же самое, что сделал накануне, я он окормил ему эти три куска мяса в течение трех дней. И у царя стала сохнуть кожа и вся слезла, и тогда царь начал потеть так, что пот лил по нему с (йог (до головы, и исцелился, и у него на теле не осталось никакой болезни. "Необходимо пойти в баню", – сказал Хасиб и свел царя в баню и вымыл ему тело я вывел его оттуда. И стало тело царя подобно серебряной трости, и вернулся он к прежнему здоровью и стал еще здоровее, чем раньше.

И надел царь лучшие свои одежды и сел на престол и позволил Хасибу Карим-ад-дину сесть с ним, и Хасиб сел с ним рядом. И тогда царь велел расставить столы, и их расставили, и они поели и вымыли руки, а потом царь велел принести напитки, и принесли то, что он потребовал, и они с Хасибом выпили. И пришли все эмиры, везири и воины, и вельможи царства, и знатные люди из его подданных и стали его поздравлять с выздоровлением и благополучием. И забили в барабаны и украсили город из-за опасения царя, и когда все собрались у него для поздравлений, царь оказал: "О собрание везирей, эмиров и вельмож царства! Вот Хасиб Карим-ад-дин, который вылечил л меня от моей болезни. Знайте, что я назначил его великим везирем на место везирия Шамхура..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот тридцать шестая ночь

Когда же настала пятьсот тридцать шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь сказал своим везирям и вельможам царства: "Тот, кто меня вылечил от моей болезни – Хасиб Карим-ад-дин, и я назначил его великим везирем вместо везирия Шамхура. Кто любит его, тог любит и меня, кто почитает его, тот почитает и меня, и кто ему повинуется, тот и мне повинуется". – "Слушаем и повинуюемся!" – оказали все. И затем они все поднялись и стали целовать руки Хасиба Карим-ад-дина и приветствовать его и поздравлять с должностью везирия.

А после этого царь наградил Хасиба роскошной одеждой почета, затканной червонным золотом и украшенной жемчугом и драгоценными камнями, самый маленький из которых стоил пять тысяч динаров, и подарил ему триста мамлюков я триста наложниц, которые сияли, как луны, и триста абиссинских рабынь и пятьсот мулов, нагруженных деньгами, и дал он ему скота и буйволов и коров столько, что бессильно всякое описание. А после всего этого он велел своим везирям, эмирам, вельможам царства, знатым людям страны и невольникам и простым своим поданных делать Хасибу подарки. И Хасиб Карим-ад-дин поехал, и поехали позади него везири, эмиры, вельможи царства и все воины и отправились к дому, который велел освободить для него царь. И затем он сел на седалище, и начали приходить к

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

нему эмиры и везиры и целовать ему руки и поздравлять его с должностью везира, и все они стали ему прислуживать.

И мать Хасиба обрадовалась великой радостью и стала поздравлять его с должностью везира; и пришли к нему его жены и поздравили его с благополучием и должностью везира, и они радовались великой радостью, а потом пришли к нему его товарищи дровосеки и поздравили его с должностью везира. И Хасиб сел на коня и поехал, пробыв ко дворцу везира Шамхура, опечатал его дом и наложил руку на то, что в нем находилось, и описал его содержимое и перенес все это в свой дом. И после того, как он не знал никакой науки и не умел читать написанное, он сделался знающим все науки по могуществу Аллаха великого, и распространилась весть о его знаниях. И стала его мудрость известна во всех странах, и сделался он знаменит глубокими познаниями во врачевании, астрономии, геометрии, чтении по звездам, алхимии, белой магии, науке о духах и прочих науках.

И однажды он сказал своей матери: "О матушка, мой отец Данияль был человеком мудрым и достойным; расскажи мне, что он оставил из книг и прочего". И, услышав слова Хасиба, его мать (принесла сундук, в который его отец положил пять листов, оставшиеся от книг, утонувших в море, и сказала ему: "Твой отец не оставил никаких книг – только пять листов, которые он этом сундуке".

И Хасиб открыл сундук, взял эти пять листов и прочитал их и воскликнул: "О матушка, это пять листов из целой (книги, где же остаток ее?" И его мать ответила: "Твой отец поехал со всеми своими книгами по морю, и корабль разбился, и книги его потонули, а его самого Аллах великий спас от потопления, и не осталось от его книг ничего, кроме этих пяти листов. А когда твой отец вернулся из путешествия, я спросила тебя, и он сказал мне: "Может быть, ты родишь мальчика, возьми же эти листки и спрячь их у себя, и когда мальчик вырастет и спросит тебя про мое наследство, отдай ему их и скажи: "Твой отец не оставил ничего, кроме этого. Вот эти листки".

И Хасиб Карим-ад-дин изучил все науки, и после этого он сидел, ел и пил, живя приятнейшей жизнью и наилучшим образом, пока не пришла к нему Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Вот и конец того, что дошло до нас о повести о Хасибе, сыне Данияля (да помилует его Аллах великий!), а Аллах лучше знает истину.